

ЯЗЫК РУССКОЯЗЫЧНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гусейнов Р.

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Н.П. Хрящёва – старший преподаватель, магистр педагогических наук

В работе исследуются лингвистические и структурные особенности русскоязычных нормативно-правовых актов в сфере информационных технологий и информационной безопасности, создающие барьеры для адекватного понимания иностранными специалистами. Анализируются синтаксическая избыточность, номинализация, расхождение терминологии с международными стандартами, отсылочный характер норм, а также специфика национальных регуляторных органов. Делается вывод о принципиальном различии правовых подходов как основе коммуникативных неудач.

В условиях глобализации ИТ-рынка и трансграничного характера угроз информационной безопасности соответствие национальным правовым нормам (комплаенс) становится критически важным для иностранных компаний и специалистов. Однако язык русскоязычных нормативно-правовых актов обладает рядом специфических черт, которые создают барьеры для адекватного понимания регуляторных требований зарубежными экспертами [1, с. 22]. Для иностранных студентов, получающих образование в русскоязычной среде, освоение языка НПА является необходимым условием успешной профессиональной деятельности. Целью данной работы является выявление и анализ основных трудностей понимания русскоязычных НПА в сфере ИТ и ИБ иностранными специалистами.

Лингвостилистические барьеры: синтаксис и номинализация. Одной из главных трудностей является использование официально-делового стиля речи, характеризующегося высокой степенью абстракции и сложности. Русскоязычные НПА часто содержат предложения с многоуровневой иерархией причастных и деепричастных оборотов. Для специалиста, привыкшего к лаконичному техническому английскому (Plain English), такие конструкции затрудняют определение субъекта и объекта правоотношений. Как отмечает М.Н. Кожина, официально-деловой стиль характеризуется «сложным синтаксисом, преобладанием пассивных конструкций и нанизыванием родительных падежей» [2, с. 312].

Кроме того, в текстах НПА наблюдается преобладание отглагольных существительных («осуществление», «обеспечение», «разграничение», «предотвращение»), что смещает акцент с конкретного действия на процесс. Это может интерпретироваться иностранными специалистами как

двусмысленность требований, поскольку в англоязычной правовой традиции предпочтение отдается глагольным конструкциям, обозначающим конкретные действия и обязанности.

Терминологические несовпадения с международными стандартами. Сфера ИБ в русскоязычном правовом поле опирается на систему государственных стандартов (ГОСТ, СТБ) и ведомственных классификаторов, которые не всегда коррелируют с международными стандартами (ISO/IEC 27001, NIST). Исследования К. Джайлза и У. Хейгестада показывают, что прямой перевод терминов может создавать ложное впечатление взаимопонимания, тогда как на самом деле за ними стоят разные концепты [3, с. 4].

Наблюдается разрыв в определениях: понятия, кажущиеся эквивалентными, могут иметь разный объем. Например, термин «информационная система» в законодательстве может трактоваться шире или уже, чем «Information System» в западной практике. Особую сложность представляют специфические категории, такие как «техническая защита информации» (ТЗИ) или «средства криптографической защиты информации» (СКЗИ) в контексте жесткого лицензирования. В зарубежной практике криптография чаще рассматривается как функциональная часть продукта, а не как отдельный объект государственного регулирования и аттестации. Для иностранного специалиста такие категории требуют не только перевода, но и развернутого культурно-правового комментария.

Структурная специфика и отсылочный характер норм. Российская и белорусская правовые системы характеризуются сложной иерархией актов: от законов и указов президента до постановлений профильных регуляторов (например, ОАЦ или ФСТЭК). НПА часто содержат отсылочные нормы, то есть ссылки на другие документы, которые, в свою очередь, ссылаются на технические регламенты. Для иностранного эксперта это создает проблему «бесконечного поиска», так как без знания контекста всей правовой системы невозможно понять конечное техническое требование. Кроме того, некоторые нормы носят общий, декларативный характер («обеспечить достаточный уровень защиты»), в то время как зарубежные специалисты ожидают четких технических метрик или чек-листов.

Контекст регуляторных органов. Особое место занимает понимание роли специфических национальных институтов. Для иностранного специалиста функции органов, осуществляющих лицензирование и сертификацию в области ИБ (ФСТЭК России, ОАЦ Республики Беларусь), могут казаться избыточными или непрозрачными из-за отсутствия прямых аналогов в их правовой культуре. Работа с государственными секретами и требования по импортозамещению в критически важных объектах (КИИ) создают дополнительные лингво-правовые тупики при переводе и интерпретации. Как отмечает А.А. Малышев, «правовая культура включает не только знание норм, но и понимание институционального контекста их применения» [4, с. 56].

Проблема понимания русскоязычных НПА иностранными специалистами не ограничивается лишь трудностями перевода. Она заключается в принципиальном различии правовых подходов. С одной стороны, в отечественных НПА преобладает процессный подход (жесткая регламентация действий, привязка к государственным стандартам). С другой стороны, в западной практике доминирует риск-ориентированный подход (использование гибких индустриальных стандартов, оценка рисков как основа принятия решений). Это различие создает когнитивный диссонанс у иностранного специалиста, который ожидает от НПА одного типа логики, а сталкивается с принципиально иной системой координат.

Таким образом, язык русскоязычных нормативно-правовых актов в сфере ИТ и ИБ представляет собой сложное лингвистическое явление, сочетающее черты официально-делового стиля с терминологией высокотехнологичной сферы. Основными барьерами для понимания иностранными специалистами выступают: синтаксическая избыточность и номинализация; расхождение терминологии с международными стандартами; отсылочный характер норм и декларативность требований; специфика национальных регуляторных органов, не имеющих прямых аналогов. Преодоление этих барьеров требует не только языковой подготовки, но и формирования лингвоправовой компетенции, включающей знание институционального контекста и логики правовой системы. Перспективой дальнейших исследований является разработка методики обучения иностранных студентов чтению и интерпретации русскоязычных НПА в сфере ИТ и ИБ с учетом выделенных барьеров.

Список использованных источников:

1. Беляева, Л. Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода / Л. Н. Беляева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2022. – № 203. – С. 22–30.
2. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта : Наука, 2022. – 464 с.
3. Giles, K. Divided by a common language: Cyber definitions in Chinese, Russian and English / K. Giles, W. Hagestad // 5th International Conference on Cyber Conflict (CyCon 2013). – Tallinn : IEEE, 2013. – P. 1–17.
4. Малышев, А. А. Правовая культура и правовая компетентность специалиста / А. А. Малышев // Юридическое образование и наука. – 2021. – № 2. – С. 54–58.